

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
АССАМБЛЕЯ

СОВЕТ
БЕЗОПАСНОСТИ

Distr.
GENERAL

A/37/704
S/15512
8 December 1982
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
Тридцать седьмая сессия
Пункт 61 повестки дня

ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗАТРАГИВАЮЩИХ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ДЕЙСТВИЙ
ИЗРАИЛЯ В ОТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫХ
ТЕРРИТОРИЙ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ
Тридцать седьмой год

Письмо Постоянного представителя Иордании при Организации
Объединенных Наций от 7 декабря 1982 года на имя Председателя
Генеральной Ассамблеи

Имею честь настоящим препроводить показания д-ра Криса Жиану из Канады, с которыми он выступил перед Международной комиссией по расследованию преступлений Израиля против ливанского и палестинского народов, заседания которой состоялись в Никосии 15 и 16 августа 1982 года.

Показания д-ра Жиану - это рассказ очевидца о чудовищных преступлениях, совершаемых израильской армией против гражданского населения юга Ливана и лагерей палестинских беженцев. Поистине невероятно, что подобные зверства могли быть совершены против невинных гражданских лиц и гражданских объектов, включая больницы, школы и другие строения.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что показания д-ра Жиану охватывают лишь небольшую часть того, что было совершено израильянами против гражданского населения на юге Ливана в пределах небольшого района близ больниц в Сайде, в которых он выполнял свою гуманитарную миссию.

Поскольку д-р Жиану был очевидцем этих не поддающихся описанию преступлений, не надо обладать богатым воображением, чтобы представить себе участь, выпавшую на долю других районов на юге Ливана.

4/51/704
S/15512
Russian
Page 2

Имеются и другие укасающие свидетельства, также представленные в показаниях нейтральных международных наблюдателей, работающих в чисто гуманитарных областях, которые я смогу препроводить Вам в свое время.

Прошу распространить прилагаемые показания д-ра Жиану в качестве официального документа Генеральной Ассамблеи по пункту 61 повестки дня и Совета Безопасности.

Хазем НУСЕЙБИ
Посол
Постоянный представитель

/...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Международная комиссия по расследованию преступлений Израиля
против ливанского и палестинского народов
(Никосия, 15 и 16 августа 1982 года)

Показания д-ра Криса Жиану (Канада)

Меня зовут К. Жиану. В течение последних двух лет я работал хирургом при Палестинском обществе Красного полумесяца (ПОКП). Я был главным врачом больницы в Набатия, а позднее, во время боевых действий, я работал в Сайде, Ливан. Я не являюсь ни представителем правительства Ливана, ни представителем Организации освобождения Палестины.

Я был задержан израильскими властями и содержался в заключении с 13 по 15 июня в Сайде, Ливан, а затем до 20 июня в тюрьме Мегиддо (Армагеддон) на севере Израиля. Несмотря на представления, сделанные министерствами иностранных дел Канады и Норвегии, израильские власти до 18 июня отрицали, что они содержат в заключении меня и двух моих коллег из Норвегии*. Я был освобожден из израильской тюрьмы 20 июня "без постановления каких-либо условий". При освобождении меня не передали посольству Канады, я не был выслан из страны, и мне не было предъявлено никаких обвинений. Нас освободили из-под стражи, и мы можем сегодня выступить перед этим Комитетом, поскольку мы являемся обладателями канадского и норвежских паспортов. Мои коллеги — лица различных национальностей — все еще находятся в заключении. Хирург, терапевты, санитары, вспомогательные медицинские сотрудники и водители автомобилей скорой помощи, сделавшие не более или даже менее, чем мы, все еще содержатся в заключении, поскольку у них нет таких паспортов, как наши.

Я чувствую себя как персонаж произведений Данте. Я побывал в аду и вернулся из него. Многие другие оказались не такими везучими.

Я стал свидетелем страданий и смерти в таких огромных масштабах, что, когда я сейчас, находясь в спокойной обстановке, вспоминаю это, мои воспоминания приобретают оттенок сверхреальности.

Я стал свидетелем полного, абсолютного разрушения жилых кварталов, слепого, жестокого, сплошного уничтожения лагерей беженцев в результате обстрелов и бомбометания по площади, проводимых одновременно самолетами, катерами, танками и артиллерией. Лагерь

* Д-р Стейнар Берге, терапевт.

Г-н Ойвинд Мёллер, специалист по вопросам психологии детей.

беженцев Айн эль-Хельвех, площадь которого равняется нескольким квадратным километрам, а население незадолго до начала боевых действий колебалось в пределах 60 000-80 000 человек, напоминал сцену из апокалипсиса. Сегодня там не осталось ни единого целого здания. Имеются места, где уже нельзя определить, где проходили дороги, а где стояли здания. А все, что осталось - это огромные черные воронки, заполненные щебнем и обломками, лопнувшими бетонными плитами с искореженной железной арматурой и трупами. Были изменена топография целых районов. Кажется, что самой природе нанесено увечье. Как можно утверждать, что гражданское население не пострадало, если стирается с лица земли район площадью в несколько квадратных километров и с плотностью населения 15 000-20 000 человек на один квадратный километр.

Я стал свидетелем того, как обстреливали больницы; в правительственной больнице в Айн эль-Хельвех, находящейся через дорогу от главного лагеря беженцев, где я работал, было произведено с 7 по 10 июня пять или шесть отдельных попаданий. Первый снаряд попал в водопроводные трубы на первом этаже, и в течение последующих дней нам приходилось пить жидкость для внутривенных инъекций. 9 июня один снаряд попал в помещение приемного покоя, в результате чего погибли 40-50 человек, нашедших там убежище.

Я был свидетелем того, как 11 июня женщинам и детям позволили перейти через израильскую линию и вернуться в лагерь беженцев; а два часа спустя артиллерийский обстрел лагеря возобновился. Я видел замешательство, царившее среди гражданского населения, находившегося в лагере и вокруг него. Израильские самолеты сбрасывали листовки, в которых людям советовали пересечь израильскую линию и покинуть зону боевых действий. Однако лишь немногие листовки упали непосредственно в лагерь. Позднее израильские власти заявляли, что они также использовали громкоговорители, но мы, находясь в госпитале, их не слышали. Невозможно было разобраться, куда людям бежать: вверх, за какой-нибудь холм, или вниз, к берегу моря, или же остаться в самой правительственной больнице. Однажды, 9 июня, в больнице скопилось около 3 000-4 000 гражданских лиц, которые искали там убежища; целые семьи, пожилые люди и те, кто был оторван от своих семей. А обстрел больницы, в которой находились эти люди, продолжался.

Я был свидетелем того, как применялись касетные бомбы в городе Набатия 5 июня и позднее в лагере Айн эль-Хельвех. Я видел пирамидальные куски металла, по углам которых с помощью пружин были прикреплены алюминиевые шарики, а в стальном корпусе имелась полость, предназначенная для заряда. Звуки разрывов этих бомб в центре лагеря беженцев можно было определить безошибочно: сотни мелких хлопков в течение 10-12 секунд как-будто идет быстрая перестрелка из винтовок. Я видел обожженные, обуглившиеся тела жертв фосфорных бомб, застывшие в позах, в которых их настигла смерть. Я лечил небольшие повреждения кожи, под которыми скрывалась мешанина из костей и ткани, что получается в результате ранения осколками шрапнельных бомб.

Я видел 300 трупов в районе вокруг лагеря Айн эль-Хельвех, когда я эвакуировал правительственную больницу; 40-50 трупов в помещении приемного покоя правительственной больницы, около 20 трупов в самой больнице из числа моих пациентов, включая женщину, убитую шрапнелью, которая пролетела через окно, когда разорвался снаряд в больничном саду; ее ребенок стал сиротой, не прожив и пяти часов; два трупа в больнице ПСКП, куда я впоследствии вернулся после эвакуации правительственной больницы. Позднее я видел еще 25 трупов в одной из крупных частных больниц города Сайды (больница Гассана Хаммуда). В этих вышеупомянутых цифрах не учтены другие жертвы, о которых ходили слухи по городу. Таким образом, я видел около 400 убитых лишь в нескольких небольших кварталах лагеря и города, что приблизительно составляет три четверти от общего числа убитых, признанного израильскими властями для всего юга Ливана.

Я был свидетелем того, как был арестован весь мужской персонал медицинской бригады ПОКП в Сайде и Набатии, что не позволило им продолжать исполнять свой медицинский долг, а обращались с ними как с обычными заключенными, без всякого уважения к их личности. ПОКП, бывшее одним из главных медицинских учреждений на юге Ливана, имевшее три больницы, многочисленные диспансеры и центр для лечения детей с умственными недостатками, а также отделение по профессиональным заболеваниям, где работали г-н и г-жа Мёллер, больше не существует.

Я был свидетелем того, как арестовывали людей по указке коллаборационистов, скрывающих свои лица под маской. Мы так и не узнали, кто были эти обвинители и каковы были обвинения. Всех оказавшихся в Сайде мужчин, которые пересекли израильскую линию, с тем чтобы покинуть зону боевых действий, согнали на пляж, а потом их по одному проводили мимо трех стоящих джипов. В каждом джипе сидел человек, на голове у которого был надет балахон с прорезями для глаз или вокруг головы которого было обернуто одеяло, чтобы скрыть его лицо, а возле каждого из них сидел израильский солдат. Когда люди проходили мимо них, отдельных лиц отсеивали, выводили из шеренги, на спинах у них рисовали большой знак в виде "X" или писали что-то на иврите, а затем ставили у стены. Подобным образом было арестовано от 4 до 5 тысяч человек, включая меня, двух моих коллег из Норвегии и всех мужчин среди медицинских работников ПОКП в Сайде. Позднее я узнал, что такое же творилось в Тире, и сотрудники ПОКП в этом городе разделили нашу участь.

Это было самым ужасным. Человек может как-то приспособиться к боевым условиям. Но когда ты стоишь перед кем-нибудь, чье лицо скрыто под маской, ты не в состоянии защитить себя. Ты не можешь посмотреть в глаза своему обвинителю... или даже попытаться что-либо объяснить. Ты не знаешь, в чем тебя обвиняют, и находишься в полной власти каких-то слепых обвинений.

После ареста людей отводили в приходскую школу и оставляли во дворе. Одновременно во дворе всегда находилось около 500-600 заключенных; постоянно прибывали новые группы арестованных, а других уводили. Условия заключения были тяжелыми: связанные руки, изнуряющая жара, недостаток пищи и воды. Заключенных заводили в одну из трех классных комнат, используемых для допросов. Меня самого допрашивали пять раз в течение четырех дней, которые я там пробыл. На одном из допросов я слышал удары в соседней комнате и видел выходящего оттуда заключенного: у него было опухшее лицо, синяки под глазами, из уголка рта текла кровь. Вместе с тем в школьном дворике была обстановка жестокого и огульного избиения заключенных, совершаемого 40 израильскими охранниками. Если один из заключенных, например, просил воды, ему говорил, что воды нет. Когда он снова просил воды, его начинали оскорблять, а затем один из охранников врывался в толпу и начинал его бить. Физическое насилие включало простые пинки и удары, а также избиения с использованием палок, пластиковых шлангов и даже связок из кусков каната, к концам которых были привязаны гайки и болты, что-то вроде современной плетки по типу "кошки-девятихвостки". Одного из палестинцев, доктора Набила, били, повесив за руки на дереве. Несколько охранников жестоко избили хирурга из Ирака, доктора Мозаммеда Ибрагима, и оставили его лежать на солнце лицом на песке. Избивали также и других хирургов и врачей: д-ра Ахмеда Субра, ливанца; врачей Сайфеддина, Мохаммеда Имана и Шафика эль-Ислама, граждан Бангладеш. Двух норвежцев и меня не били. Меня самого ударили только один раз. Было очевидно, что был дан приказ над нами не издеваться. Наиболее жестоко избивали арабов, африканцев и азиатов с более темным цветом кожи (пакистанцев, бангладешцев, индийцев).

Я был свидетелем того, как четырех заключенных забили насмерть. Один из израильских солдат позвал меня, чтобы я осмотрел двух из них. Г-н Берге осматривал два другие трупа и видел еще пять или шесть трупов, брошенных в машину скорой помощи. Я не могу сказать, входили ли два трупа, которые я осматривал, в число тех пяти или шести, которые лежали в машине скорой помощи, и поэтому я не могу точно указать число заключенных, забитых насмерть в течение этих четырех дней.

Я был свидетелем того, как израильские офицеры и даже военный губернатор Сайды, некто полковник Арнон Амосер, наблюдали эти избиения и ничего не предпринимали. Я также был свидетелем того, как некоторые израильские охранники пытались прекратить побои, и несколько раз возникали настоящие споры между охранниками, которые занимались избиением, и охранниками, которые пытались их прекратить.

На одном из допросов я сказал одному из допрашивающих меня офицеров, что, если существует абсолютная необходимость содержать меня под стражей, то пусть меня содержат в заключении в больнице ПОКП, с тем чтобы я мог лечить своих пациентов. В этом мне было отказано. Г-жа Мёллер, оставшаяся в больнице после того, как мы были задержаны, сказала, что один из пациентов умер, а у других возникли осложнения ввиду того, что никаких других медицинских услуг им не оказывалось. Условия заключения в самой тюрьме в Мегиддо были гораздо лучше; нам давали воду и пищу, и нас больше не связывали. Однако внутри тюрьмы содержалось только незначительное меньшинство заключенных: два норвежца и я, около двухсот египетских граждан, которых один израильский солдат заставлял выкрикивать "Да здравствует Бегин", и еще один человек с двойным ливано-австрийским гражданством, который провел несколько дней под открытым небом около этой тюрьмы вместе с несколькими тысячами других заключенных. Условия содержания заключенных у тюрьмы походили на условия в школьном двореке в Сайде; заключенных связывали и оставляли под открытым небом почти без воды и пищи, не прекращались побои. Спустя два дня на нас надели наручники, повязки на глаза и отвезли за пределы тюрьмы на 48 часов, в течение которых нас допрашивали в одном из множества деревянных сараев, расположенных на территории вокруг тюрьмы.

Вечером 20 июня нас, наконец, отправили в Тель-Авив и освободили, передав Отделу связи с иностранными военными атташе.
